К-27

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 4

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1912.

Проверено 1963 г.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

947
К-26
8166/4

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 4.

1054/3

С. В. Ивановъ. Христіанство и язычество.

ПРОВЕРЕНА
1956

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1912.

Каталог

Гос. Пед. Ин-т
БИБЛИОТЕКА

Курск.

2
4819-4

5598

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.

1912.

Научная Б-ка им. Горького Юрп ЛГУ

Христіане и язычники.

На картинѣ изображена сцена, относящаяся къ той порѣ исторической жизни русскаго народа, когда христіанство, утвердившееся въ городахъ и по всему великому водному пути, стало распространяться и въ глубь славянской земли, когда князья, на ряду со сборомъ дани и охраны подвластныхъ имъ племенъ и городовъ отъ непріятелей, поставили себѣ въ обязанность и заботы о просвѣщеніи свѣтомъ Христовой вѣры тѣхъ изъ подвластныхъ имъ, которые еще держались язычества. Отправляясь на «полюдье», князь беретъ теперь съ собой не только вооруженныхъ дружинниковъ, но и священника, чтобы крестить своихъ данниковъ. На погостахъ, куда издавна привыкли окрестные жители свозить дань, и куда пріѣзжалъ князь или его посадникъ, князь-христіанинъ приказывалъ построить церковь, свергалъ идоловъ и уговаривалъ собравшихся язычниковъ креститься. По отдѣльнымъ разсказамъ лѣтописи мы можемъ думать, что эти встрѣчи христіанства и язычества не всегда кончались мирно. На картинѣ изображена сцена, прямо относящаяся къ одному такому повѣствованію лѣтописи, записанному подъ 1074 г. Явился тогда волхвъ въ Новгородѣ «творился аки богъ», говорилъ, что знаетъ будущее, хулилъ вѣру христіанскую и въ доказательство своей правоты обѣщалъ пройти со всѣми ему вѣрными по Волхову, какъ по суху.

Новгородцы заволновались, почти всѣ стали на сторону волхва и хотѣли убить епископа. Епископъ, облекшись въ ризы и взявъ крестъ, вышелъ на площадь и сказалъ:

— Кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто вѣруетъ во Христа, пусть идетъ ко кресту.

Къ епископу подошелъ только князь Глѣбъ Святославичъ со своей дружиной, а весь народъ, «производя великій мятежъ», устремился за волхвомъ.

Тогда князь Глѣбъ, спрятавъ подъ полой своей одежды топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ:

— Знаешь, что будетъ завтра по утру и во весь день до вечера?

— Все знаю!—отвѣчалъ волхвъ.

— А знаешь ли, что будетъ сегодня?

— Сотворю великія чудеса!—отвѣчалъ волхвъ.

Тогда князь выхватилъ топоръ и разсѣкъ ему голову. Тѣмъ все и кончилось. Толпа разсѣялась.

Появился такой волхвъ и въ Кіевѣ, говорилъ, что ему явилось пять боговъ, и сказали ему: «Иди, скажи людямъ, что въ пятое лѣто потечетъ Днѣпръ вспять, и земли всѣ переступятъ на иныя мѣста: станетъ земля греческая на мѣсто русской, а русская на мѣсто греческой, и всѣ земли также перемѣнятся».

«Невѣгласи послушахуть его»,—говоритъ лѣтопись,—вѣрьніи же насмѣхахуться, глаголюще ему: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ!»

Кончилось все это тѣмъ, что волхвъ «въ едину нощь бысть безъ вѣсти», т.-е. исчезъ—самъ ли ушелъ, или былъ устраненъ христіанами, княземъ и духовенствомъ, мы не знаемъ. Другое сказаніе повѣствуетъ о появленіи волхвовъ въ Ростовской области во время голода. Тамъ два волхва стали говорить: «Мы знаемъ, кто обилье держитъ». Пошли они по Волгѣ и въ каждомъ погостѣ указывали на «лучшая жены», говоря: «Вотъ эта жито держитъ, а эта медъ, а эта рыбу, а эта мясо!» И приводили къ нимъ люди сестеръ, матерей и женъ своихъ. Волхвы «въ мечьтѣ» т. е. дѣлая видъ, прорѣзывали у нихъ за плечами одежду и вынимали то жито, то рыбу, то «вѣверицю». Такихъ уличенныхъ въ сокрытіи «обилья» женщинъ убивали, а имѣнье ихъ брали себѣ. И пришли волхвы на Бѣлоозеро, и было съ ними людей болѣе 300 человѣкъ. Въ это время пришелъ на Бѣлоозеро Янъ Вышатичъ, посадникъ князя Святослава, за сборомъ дани. Бѣлоозерцы пожаловались

ему на волхвовъ—вотъ-де два кудесника сгубили уже много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, а теперь сюда пришли. Янъ спросилъ, чьи эти кудесники смерды и, узнавъ, что его князя, послалъ къ спутникамъ волхвовъ приказаніе: «Выдавайте мнѣ волхвовъ, ибо они смерды мои и моего князя». Но спутники волхвовъ не послушались приказанія Яна. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ, не взявъ съ собой оружія. Но отроки Яновы сказали ему: «Не ходи безъ оружія, осоромять тя!» Янъ послушался добраго совѣта, велѣлъ 12 отрокамъ взять оружіе и пошелъ съ ними въ лѣсъ. «Они же сташа, исполчившеся противу Яна». Янъ одинъ съ топорцемъ вышелъ впередъ; къ нему навстрѣчу выступило трое и, подошедши къ Яну, сказали: «Развѣ не видишь, что идешь на смерть? Не ходи». Въ отвѣтъ на это Янъ велѣлъ своимъ отрокамъ бить этихъ доброжелателей, а самъ пошелъ къ толпѣ. Одинъ изъ толпы бросился на Яна съ топоромъ, но Янъ отразилъ ударъ, ударилъ нападавшаго топорцомъ и велѣлъ отрокамъ «сѣщи я». Началась схватка, во время которой былъ убить «попинъ Яновъ». Волхвы бѣжали въ лѣсъ, а Янъ вернулся на Бѣлоозеро. Войдя въ городъ, онъ сказалъ бѣлозерцамъ: «Аще не имате волхву сію, не иду отъ васъ и за лѣто», т.-е. останусь у васъ на все лѣто. Бѣлозерцамъ это грозило большими расходами, такъ какъ имъ тогда пришлось бы кормить все лѣто Яна и его дружину. Они снарядили экспедицію, поймали волхвовъ и привели ихъ къ Яну. Янъ спросилъ волхвовъ: «Чего ради погубили столько людей?» «Да вѣдь они держатъ обилье,—отвѣчали волхвы,—и если мы истребимъ и перебьемъ ихъ, то будетъ всего вдоволь; хочешь, мы при тебѣ вынемъ изъ нихъ жито или рыбу и еще что иное?»—Поистинѣ лжете,—отвѣтилъ имъ Янъ,—богъ сотворилъ человѣка отъ земли, есть въ человѣкѣ кости, и жилы, и кровь и больше ничего въ немъ быть не можетъ».—«А ты знаешь, какъ сотворенъ человѣкъ?»—спросили волхвы.—«Какъ?»—спросилъ Янъ.—«А вотъ слушай!—сказали волхвы,—мылся богъ въ банѣ, вспотѣлъ, отерся полотенцемъ и бросилъ его съ неба на землю. И сталъ спорить сатана съ Богомъ, кому изъ этого полотенца сотворить человѣка и сотворилъ человѣка дьяволъ, а Богъ душу въ него вложилъ; вотъ

почему, если умретъ человѣкъ, то въ землю идетъ тѣло, а душа къ богу». — «Ну, какъ же не бѣсъ прельстилъ васъ, — возразилъ Янъ,—какому же это богу вы вѣруете?» Они отвѣчали:—«Антихристу!» — «Гдѣ же это онъ?» — спросилъ Янъ. — «Сидитъ въ безднѣ!» —отвѣчали волхвы.—«Что же это за богъ, сидящій въ безднѣ»,—сказалъ Янъ,—то не богъ, а бѣсъ. Богъ же сидитъ на небесахъ на престолѣ, славимый ангелами, которые предстоятъ ему со страхомъ и не могутъ взирати на него. Тотъ же ангелъ, котораго вы назвали антихристомъ, за величанье свое былъ сверженъ съ небесъ и дѣйствительно сидитъ въ безднѣ, какъ вы утверждаете, ожидая, когда снизойдетъ Богъ съ небесъ, свяжетъ его узами и посадитъ въ огонь вѣчный съ слугами его, которые въ него вѣруютъ; а вы здѣсь муку отъ меня примете, а тамъ по смерти».— «Намъ боги сказали, что ты ничего не можешь намъ сдѣлать»,— сказали волхвы.—«Лгутъ вамъ ваши боги!» —сурово замѣтилъ Янъ.—«Веди насъ на судъ къ князю Святославу, — сказали волхвы,—ты намъ ничего не можешь сдѣлать». Въ отвѣтъ на это Янъ приказалъ бить волхвовъ и повыдергать имъ бороды. Когда это было исполнено, Янъ снова спросилъ волхвовъ:—«Ну, что вамъ боги говорятъ?» — «Веди насъ къ князю Святославу»,—сказали волхвы. Янъ велѣлъ вложить имъ деревянные обрубки въ уста, связать, привязать къ лодкамъ и «пусти предъ собою лодья, и самъ по нихъ иде». Когда приплыли къ устьямъ Шексны, Янъ подошелъ къ волхвамъ и снова спросилъ:—«Ну, что вамъ боги говорятъ?» — «Вотъ что намъ говорятъ боги: не быть намъ живыми отъ тебя!» —«Вотъ это вамъ правду боги сказали!» —перебилъ ихъ Янъ.—«Но если пустишь насъ,—продолжали волхвы,— много тебѣ добра будетъ, а если погубишь насъ, много печали и зла пріимешь».—«Если я пущу васъ,—возразилъ Янъ,—то накажетъ меня Богъ, если же погублю васъ, то великую мзду получу отъ Бога!» —И обратившись къ «повозникамъ», Янъ спросилъ:— «Не убили ли у кого изъ васъ эти двое родныхъ?» —«У меня сестру, у меня жену, у меня мать, у меня дочь!» —закричали спрошенные.—«Такъ мстите за своихъ!» — сказалъ Янъ. Обиженные волхвами бросились на нихъ, убили обоихъ, а трупы повѣ-

сили на дубѣ; «тако отмьстие приимъша отъ Бога по правъдѣ»,— замѣчаетъ лѣтописецъ, самъ, очевидно, вмѣстѣ съ Яномъ далеко еще не отрѣшившійся отъ языческаго взгляда на необходимость мести.

Что же это были за волхвы? Въ приведенныхъ разсказахъ они выступаютъ, какъ противники христіанства и поклонники иныхъ тѣхъ боговъ, идолы которыхъ пали подъ сѣкирами христіанъ, считавшихъ этихъ боговъ за бѣсовъ.

Язычество славянъ находилось еще въ той порѣ развитія, которая не знаетъ жречества. Но, конечно, у славянъ были особые вѣдуны воли боговъ, знатоки всего чудеснаго и сверхъестественнаго, что древняя мудрость присвояла всякой близости къ божеству. Это были старцы, отъ своихъ дѣдовъ навыкшіе къ обращенію съ сверхъестественной, какъ имъ казалось, силой, познавшіе по преданію значеніе примѣтъ и признаковъ, въ которыхъ выражалась воля божествъ, это были знатоки тайныхъ врачебныхъ и ядовитыхъ силъ травы, произрастающей на благо и зло людямъ; такихъ людей боялись и уважали; боялись за зло, которое они могли дѣлать, благодаря своему вѣдовству, уважали за близость къ божествамъ, за вѣдовство тайныхъ силъ природы. Вѣроятно это были люди съ той же психической и физіологической организаціей, какой обладаютъ шаманы у теперешнихъ инородцевъ Сибири. Черты шаманизма у волхвовъ вскрываются изъ одного разсказа лѣтописи подъ 1071 г. съ особенной отчетливостью. «Приключилось,— читаемъ въ лѣтописи, — нѣкоему новгородцу притти въ землю Чуди, и пришелъ онъ къ кудеснику, желая волхованья отъ него; тотъ же, по обычаю, началъ призывать бѣсовъ въ храмину свою. Пока новгородецъ сидѣлъ на порогѣ храмины, кудесникъ лежалъ, оцѣпенѣвъ, и ударилъ имъ бѣсъ; кудесникъ же, вставъ, сказалъ новгородцу: «боги не смѣютъ притти; нѣчто имѣешь на себѣ, чего они боятся». Новгородецъ, вспомнивъ на себѣ крестъ и, отойдя, положивъ его прочь (въ сторонѣ) отъ храмины той; а тотъ началъ призывать бѣсовъ, бѣсы же трясли его и повѣдали, чего ради пришелъ новгородецъ. Затѣмъ началъ онъ спрашивать кудесника: «чего ради боятся боги, что носимъ мы на себѣ крестъ?» А тотъ

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ
105-4/3

сказалъ: «это знаменье небеснаго Бога, его наши боги боятся».— Какіе же ваши боги, гдѣ они живутъ?—спросилъ новгородецъ. А тотъ сказалъ: «въ безднахъ; суть же образомъ (съ виду) черны, крылаты, хвосты имѣютъ, восходятъ же и подъ небо, слушаясь вашихъ боговъ; ваши ангелы на небесахъ находятся; если кто умретъ изъ вашихъ людей, то его возносятъ на небо, а если изъ нашихъ кто умираетъ, его относятъ къ нашимъ богамъ въ бездну».

Волхвы, съ которыми имѣлъ дѣло Янъ тоже были, надо думать, мѣстные уроженцы—финны. Чудь вообще славилась своимъ волхованіемъ, умѣньемъ призывать себѣ на помощь своихъ боговъ. Этихъ боговъ христіанинъ - лѣтописецъ отождествилъ съ бѣсами, вражьей силой. Въ этомъ качествѣ опредѣлились и свои славянскіе боги, когда христіанство окончательно утвердилось у славянъ.

Приведенные разсказы лѣтописи позволяютъ заключить, что христіанство въ низшихъ слояхъ народа особенно въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ, въ лѣсахъ и болотахъ сѣвера и сѣверо-востока распространялось съ большими, сравнительно, затрудненіями.

До насъ дошло извѣстіе, что «благовѣріе Владимірово со властью сопряжено бѣ»—это значитъ, что упорствовавшихъ креститься заставляли это дѣлать. И въ этой своей просвѣтительной дѣятельности онъ наталкивался иногда на упорное сопротивленіе. Особенное упорство проявили новгородцы, подстрекаемые волхвомъ, прозваннымъ за краснорѣчіе Соловьемъ.

Новгородцы съ оружіемъ встрѣтили посланныхъ крестить ихъ Добрыню—дядю Владиміра, и Путяту. Но и въ Новгородѣ были уже христіане, и существовала церковь Преображенія. Новгородцы-христіане стали, конечно, на сторону Добрыни, и сопротивленіе язычниковъ было сломлено. Язычниковъ силкомъ тащили къ Волхову креститься. Долго потомъ дразнили новгородцевъ жители другихъ краевъ, говоря:

— Васъ Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ.

Нельзя сказать, чтобы и послѣ Владиміра утвержденіе христіанства на Руси шло ровно и не встрѣчало сопротивленія со стороны приверженцевъ язычества. Вождями этого сопротивленія и были

волхвы—прорицатели будущаго и чудотворцы, по представленію славянъ-язычниковъ; были эти волхвы и свои, и изъ чуди.

Въ общемъ, христіанство, быстро утвердившееся въ городахъ, особенно въ высшемъ слоѣ городского общества и въ княжеской дружинѣ, довольно затруднительно распространялось въ народѣ Уже въ дружинѣ сына Рюрикова Игоря было такъ много христіанъ, что когда этому князю пришлось заключать договоръ съ греками, то часть его дружины клялась соблюдать миръ Перуномъ, а другая—по христіанскому обряду. Уже въ то отдаленное время существовала въ Кіевѣ церковь св. Иліи, были, вѣроятно, и другія церкви. Смутное преданіе указываетъ на то, что Аскольдъ и Диръ были христіане. Святославъ далъ въ жены своему старшему сыну, Ярополку, греческую монахиню, взятую въ плѣнъ. Среди женъ Владиміра упоминаются «чехиня, болгариня и грекиня», которыя, навѣрное можно сказать, были христіанками.

Ко времени Святослава христіанство оказывается очень распространеннымъ въ Кіевѣ. Какъ можно думать, подъ покровительствомъ его матери, св. Ольги, славяне—христіане дѣятельно стали проповѣдывать христіанство среди своихъ соплеменниковъ-язычниковъ. Сама Ольга, напримѣръ, усиленно склоняла Святослава принять христіанство, но онъ отказывался.

Ему, какъ вообще многимъ язычникамъ, «вѣра христіанская,—по словамъ лѣтописи,—уродство бѣ», такъ что онъ даже отказывался «во уши приимати», что ему говорила мать. Но въ общемъ, онъ, должно быть, равнодушно относился къ христіанству и въ его время, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, тѣмъ, «кто хотяше креститися не браняху, но ругахуся», т.-е. не запрещали, а лишь насмѣхались.

Старшіе сыновья Святослава, Ярополкъ и Олегъ, воспитанные своей бабушкой христіанкой Ольгой, какъ кажется, по глухимъ указаніямъ лѣтописи, если не были христіанами, то во всякомъ случаѣ очень тяготѣли къ новой вѣрѣ. Эта новая вѣра настолько была сильна и распространена въ Кіевѣ, въ высшихъ слояхъ его общества, что подъ ея вліяніе попалъ и третій сынъ Святослава, воспитанный въ Новгородѣ, гдѣ язычество было сильнѣе христіан-

ства. Ставъ кіевскимъ княземъ, Владиміръ крестился самъ, и исторія называетъ его крестителемъ земли русской.

Какъ думаютъ, Владиміру послѣ того, какъ онъ установилъ «чинъ церковный», т.-е. церковную іерархію, удалось окрестить новгородскихъ славянъ, всю Русь заднѣпровскую, начиная съ кривичей и кончая частью тиверцевъ, сидѣвшихъ на Днѣпрѣ, и Русь расположившуюся по правой сторонѣ Днѣпра, т.-е. сѣверянъ. Только вятичи и радимичи не были окрещены при Владимірѣ. Обитая въ странѣ далекой отъ днѣпровскаго воднаго пути, окруженные почти со всѣхъ сторонъ инородческими, преимущественно финскими, племенами, вятичи и радимичи остались въ сторонѣ отъ того просвѣтительнаго движенія, которое изъ Кіева шло вверхъ по Днѣпру, а сосѣдство съ ярыми язычниками и тѣсное, то мирное, то боевое общеніе съ ними только поддерживало эти два племени въ ихъ приверженности къ язычеству. Среди вятичей христіанство распространялось особенно туго: одинъ кіево-печерскій инокъ св. Кукша былъ замученъ ими во время своей проповѣднической дѣятельности. Есть преданіе, что жители города Мценска, лежащаго въ древней области вятичей, окончательно приняли христіанство только въ XV в. Ростовскіе язычники прогнали отъ себя первыхъ епископовъ, Ѳеодора и Илларіона, и едва не убили третьяго—св. Леонтія.

Не скоро могло утвердиться христіанство и въ Муромской землѣ, несмотря на старанія св. князя Глѣба, которому Владиміръ поручилъ эту область. Князю Глѣбу пришлось даже жить внѣ Мурома, такъ какъ муромцы оказались ревностными приверженцами язычества.

Въ Курской области христіанство стало распространяться только въ началѣ XI в., въ Вологодскомъ и Вятскомъ краяхъ въ XII в., а въ Олонецкомъ оно стало утверждаться лишь въ XIII в.

Среди тѣхъ, которые принимали новую вѣру, конечно, не всѣ шли креститься съ радостью и ликованіемъ. Было много такихъ, которые крестились только потому, что всѣ это дѣлали, были и такіе, которые крестились, но христіанами все же не дѣлались, оставались двоевѣрами, ходили въ церкви и къ христіан-

скимъ священникамъ, но и старыхъ боговъ не забывали. А такъ какъ вообще человѣкъ трудно разстается съ тѣми вѣрованіями и обрядностью, въ которыхъ выросталъ и воспитывался, то извѣстнаго рода двоевѣріе долго еще существовало въ народѣ.

Многіе изъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ продолжали жить до самыхъ московскихъ временъ, среди принявшихъ крещеніе. Даже при царѣ Иванѣ Грозномъ духовенству приходилось жаловаться на приверженность простонародія къ несомнѣнно языческимъ вѣрованіямъ.

Кое-что изъ этихъ вѣрованій, правда, потерявъ весь свой религіозный смыслъ, сохранилось и дожило до нашихъ временъ въ разрыхъ обычаяхъ, повѣрьяхъ, празднествахъ.

Въ первое же время распространенія христіанства «язычество» и «языческое» жило въ народѣ и какъ вѣрованіе. «Въ первое время послѣ принятія христіанства,—говоритъ проф. Е. Голубинскій,—наши предки въ своей массѣ или въ своемъ большинствѣ буквальнымъ образомъ ставъ двоевѣрными и только присоединивъ христіанство къ язычеству, но не переставивъ его на мѣсто послѣдняго, съ одной стороны молились и праздновали Богу христіанскому съ сонмомъ его святыхъ, или, по ихъ представленіямъ, богамъ христіанскимъ, а съ другой—молились и праздновали своимъ прежнимъ богамъ языческимъ. Тотъ и другой культъ стояли рядомъ и практиковались одновременно: праздновался годовой кругъ общественныхъ праздниковъ христіанскихъ и одновременно съ нимъ праздновался таковой же кругъ праздниковъ языческихъ; совершались домашнія требы чрезъ священниковъ по-христіански, и въ то же время совершались онѣ черезъ стариковъ и черезъ волхвовъ и по-язычески; творилась домашняя молитва Богу и святымъ христіанскимъ и вмѣстѣ съ ними и богамъ языческимъ»... «Какъ долго продолжался у насъ періодъ открытаго и настоящаго двоевѣрія *), это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые нельзя отвѣчать прямымъ и положительнымъ образомъ. Въ различныхъ мѣстахъ онъ кончился въ разное время, имѣвъ разную и весьма

*) «Двоевѣріе»—выраженіе тѣхъ временъ.

разнообразную продолжительность, отъ сравнительно очень недолгой до сравнительно весьма долговременной»...

Постепенно, по мѣрѣ того, какъ поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, и люди воспитывались и росли въ законѣ христіанскомъ, древніе боги отходили все дальше въ глубь прошлаго, и почитаніе ихъ прекратилось само собой, какъ бы умерло. Но совершавшіяся въ честь этихъ старыхъ боговъ празднества, составлявшіе культъ религіозные обычаи и обряды оставались въ видѣ празднествъ, обычаевъ и обрядовъ народныхъ, при чемъ слились и смѣшались съ празднествами и обычаями христіанскими. Народный бытъ нашего времени полонъ такими остатками язычества, какъ бы вкрапленными въ обиходъ христіанской жизни.

Языческій праздникъ коляды или новаго года, первый въ году изъ праздниковъ солнцу, которое съ декабря начинаетъ долѣе оставаться на зимнемъ небѣ, соединился съ христіанскимъ праздникомъ Рождества Христова. Народные обряды, игры и увеселенія нашихъ «святокъ» полны забытыми уже въ ихъ происхожденіи остатками язычества. Самое слово «святки» очень старое и значило въ языческой древности просто—праздникъ. Народная встрѣча Рождества особой обрядовой трапезой является отзвучавшимъ отголоскомъ языческой трапезы Солнцу и Перуну, которымъ приносились жертвы въ эти дни, когда прибывало солнце, съ моленіемъ о плодородіи и благополучіи. Гаданья святочныя выражаютъ желаніе людей узнать свою судьбу въ наступающій годъ. Въ языческую старину переряживанье имѣло символическій смыслъ—подъ чужимъ видомъ и искаженной внѣшностью язычникъ думалъ укрыться отъ злыхъ боговъ, которые зимой одолѣли солнце, и становятся особенно злы, когда солнце начинаетъ прибывать, и они видятъ, что ихъ козни не удались.

Праздникъ несомнѣннаго наступленія весны и торжества Солнца и Перуна, приходившійся на великій постъ, былъ перенесенъ на недѣлю предшествующую посту, и напрасно церковь старалась внушить, что недѣля мясопустная есть недѣля подготовленія къ посту молитвой, и въ воскресенье этой недѣли во всѣхъ храмахъ читалось то мѣсто евангелія, гдѣ говорится о Страшномъ Судѣ

Христовомъ — народная память не поддавалась, и мясопустная недѣля всегда была и осталась недѣлей особаго веселья и разгула, Пасха соединилась съ языческимъ торжествомъ весны, когда и посейчасъ поютъ «веснянки», особыя весеннія пѣсни, играютъ свадьбы: — «женить на красную горку» это значитъ повѣнчать молодыхъ послѣ пасхи, когда всѣ горки и пригорки становятся «красны» т.-е. красивы, отъ одѣвающей ихъ свѣжей травы и весеннихъ цвѣтовъ. Лѣтній праздникъ Солнцу соединился съ празднованіемъ дня Іоанна Крестителя (24 іюня). Праздникъ богу Велесу—«скотьему богу» отождествился съ днемъ памяти великомученика Георгія, 23 апрѣля, когда впервые послѣ долгой зимы выгоняютъ въ поле на свѣжую траву оголодавшую за зиму скотину. Всѣ случаи домашней жизни—рожденія, свадьбы, похороны—въ своей обрядности полны остатками языческихъ религіозныхъ обрядовъ.

«Праздновавъ и празднуя всѣ помянутые языческіе праздники и совершая при всѣхъ указанныхъ случаяхъ религіозные языческіе обряды,—говоритъ проф. Е. Голубинскій,— народъ язычествовалъ и язычествуетъ нисколько не сознательно: но языческое тѣмъ не менѣе остается языческимъ»... И чѣмъ далѣе заглянуть въ прошлое народа, тѣмъ яснѣе, живѣе, жизненнѣе представится историку этотъ переживній язычество языческій бытъ, тѣмъ въ меньшей степени онъ оказывается слитымъ съ христіанствомъ. «Былъ отдѣлъ вѣрованій языческихъ, который цѣликомъ долженъ былъ перейти въ христіанство и навсегда остаться въ народѣ въ своемъ подлинномъ видѣ. Эта вѣра въ боговъ черныхъ. Въ богахъ черныхъ язычество признавало начало зла, подобно тому, какъ христіанство признаетъ его въ демонахъ. По общему признаку носителей зла, черные языческіе боги были отождествлены съ христіанскими демонами, а потому и вполнѣ остались въ вѣрованіяхъ народныхъ, какъ-будто бы даже признаваемые ученіемъ христіанскимъ»... Въ приведенной выше бесѣдѣ Яна Вышатича съ бѣлозерскими волхвами это отождествленіе сказалось особенно ярко. «Удерживая языческія понятія и представленія, простой народъ и до настоящаго времени вѣритъ, что физическія бѣдствія являются дѣйствіями нечистой силы, прежнихъ боговъ черныхъ, и сообразно съ этой

вѣрой борется съ болѣзнями и бѣдствіями старыми языческими средствами—заклинаніями, заговорами, совершеніемъ языческихъ обрядовъ,—стоитъ вспомнить одно опахиваніе селеній во время моровыхъ повѣтрій. Вмѣстѣ съ самими черными богами осталась и дожила до нашихъ дней вѣра въ ихъ орудія—колдуновъ, вѣдьмъ, оборотней, вампировъ и упырей. Въ домашней жизни старый покровитель рода — семьи домовикъ, духъ предка основателя семьи дожилъ до нашей поры подъ именемъ домового, хотя подчасъ и проказливаго, но въ общемъ расположеннаго къ живущимъ въ домѣ духа. Такъ прочны и долговѣчны оказались старыя вѣрованія, и нѣтъ ни единой стороны въ нашей жизни домашней и общественной, въ которой не сохранилось бы такихъ пережитковъ сѣдой языческой старины.

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

Важнѣйшая литература: *Е. Голубинскій.* Исторія русской церкви, т. I; *С. М. Соловьевъ.* Исторія Россіи. т. I; *преосв. Макарій.* Исторія русской церкви, т. I.

Картины по географіи Россіи.

27 художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы исполнены художниками **А. А. Чумаковымъ, Е. И. Ягужинскимъ, Н. Клодтомъ, А. Чириковымъ.**

Объяснительный текстъ и редакція **А. А. Борзова.**

I серія.	Цѣны.	II серія.	Цѣны.
12 картинъ.	9 р. — к.	15 картинъ	11 р. 25 к.
12 картинъ, накл. на кож. бумагѣ . . .	10 » 80 »	15 картинъ, накл. на кож. бумагѣ . . .	13 » 50 »
12 картинъ, накл. на полотнѣ.	15 » 60 »	15 картинъ, накл. на полотнѣ.	19 » 50 »

Каждая картина отдѣльно	— р. 85 к.
Каждая картина, накл. на кожан. бумагѣ	1 » — »
Каждая картина, накл. на полотнѣ	1 » 40 »
Объяснительный текстъ къ серіи I	— » 50 »
» » » » II	— » 60 »

I серія. Европейская Россія.

1. Черноземное великорусское пространство.
2. Малороссія (лѣвобережная).
3. Новороссійскія степи.
4. Полѣсье (Пинское).
5. Южный берегъ Крыма.
6. Поволжье среднее.
7. Московскій Промышленный районъ.
8. Озерный край.
9. Уралъ.
10. Прибалтійскій край.
11. Мезенская тундра (зимой).
12. Мурманское побережье.

II серія. Окраины Россіи.

1. Финляндія.
2. Привислинскій край.
3. Главный хребетъ Кавказа.
4. Черноморско-Кавказское побережье.
5. Киргизская степь.
6. Горный Туркестанъ.
7. Памиръ.
8. Западно-Сибирская тайга.
9. Алтай.
10. Озеро Байкалъ.
11. Забайкалье.
12. Амурскій край.
13. Камчатка.
14. Полярное море.
15. Печорскій край (на Ухтѣ).

Изверженіе вулкана. Одна большая таблица въ краскахъ, размѣръ 75×105 см., съ объяснительнымъ текстомъ *А. А. Борзова.* Ц. 1 р.

Основн. понятія геогр. Шрейбера. 1 большая таблица въ краскахъ, 92×123 см. Цѣна 1 р. 50 к.

20 картинъ по физич. географіи. Русское изданіе извѣстныхъ нѣмецкихъ картинъ Шрейбера, рекомендованныхъ С.-Петербургскимъ Подвижнымъ музеемъ, 20 раскрашен. картинъ 34×43 см., всѣ вмѣстѣ въ обложкѣ 2 р.

Новая цена
Руб. — коп. 08к

Кунертъ-Лейпольдтъ. Карты.

Карта восточнаго полушарія наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. 2 русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ*. Масштабъ 1 : 12.000.000. Размѣръ 175×185 см. Цѣна 7 р. 20 к.

Карта западнаго полушарія наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. 2 русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ*. Масшт. 1:12.000.000. Размѣръ 175×185 см. Цѣна 7 р. 20 к.

Карта Европы наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. 2 русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ*. Масшт. 1 : 3.000.000. Размѣръ 165×185 см. Цѣна 9 р.

Карта Азіи наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ*. Масшт. 1 : 6 000.000. Цѣна 9 р.

Карта Сѣверной Америки наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Масштабъ 1 : 6.000.000. Разм. 170×170 см. Цѣна 8 р.

Карта Южной Америки наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Масштабъ 1 : 6.000.000. Разм. 150×170 см. Цѣна 8 р.

Карта Австраліи наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Масшт. 1 : 12.000.000. Размѣръ 158×195 см. Цѣна 8 р.

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ такая же, полная научнаго значенія, карта Африки.

Сидовъ-Габенихтъ. Европа. Оро-гидрографическая. стѣнная учебная карта. Русское изданіе подъ редакціей *А. Баркова*. Масштабъ 1 : 3.000.000. Размѣръ 200×167 см. Цѣна 7 р. 20 к.

Карта Сѣвернаго звѣзднаго неба. Размѣръ 103×117 см. На картѣ обозначены звѣзды до 5-й величины включительно. Цѣна 3 р.

Глобусы Гросманъ и Кнебель.

Луценко Е. Е. Земной глобусъ, 15 см. въ діаметрѣ, съ вертикальной осью. Цѣна 1 р. 50 к.

Тоже, съ наклонной осью. Цѣна 1 р. 75 к.

Тоже, съ градуированнымъ полумеридіаномъ. Цѣна 2 р. 85 к.

Чефрановъ С. В. Земной глобусъ, 25 см. въ діаметрѣ, съ вертикальной осью. Цѣна 3 р.

Тоже, съ наклонной осью. Цѣна 3 р. 75 к.

Тоже, съ градуированнымъ полумеридіаномъ. Цѣна 5 р.

Тоже, съ часовыми кругами, астрономическимъ кругомъ, мѣднымъ градуированнымъ полнымъ меридіаномъ и компасомъ. Цѣна 12 р. 25 к.

Народы Россія. 24 худож. исполн. стѣнныхъ таблицы въ краскахъ, разм. 60×45 см., редакція и объяснительный текстъ *Н. А. Янчука*. Цѣна таблицамъ въ бумажной папкѣ 6 р. Объяснительный текстъ 40 к.

Изобр. челов. расъ, Кирхгофа. 12 таблицъ, 65×85 см. съ черными литографскими портретными изображеніями различныхъ человѣческихъ народностей. Цѣна 6 р. 60 к. Объяснительный текстъ на русскомъ языкѣ 20 к.

Человѣческія расы Мейнгольда. 1 таблица въ краскахъ, 91×65 см., изображающая 5 расовыхъ головъ 1 р.

Полный иллюстрированный каталогъ учебныхъ пособій высылается за четыре 7-коп. марки.

5598

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-4

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, даютъ изображеніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указываютъ на пріемы реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуемаго обыкновенно какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаворитовъ при дворѣ, посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерь Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1494

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.